

ВЛИЯНИЕ КРИЗИСА В РОССИЙСКО-УКРАИНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ¹

Реутов Е.В.
доцент, профессор кафедры социальных
технологий НИУ «БелГУ»

Колпина Л.В.
к. с. н., доцент кафедры социальных
технологий НИУ «БелГУ»
Россия, г. Белгород

Аннотация. Цель работы заключается в выявлении специфики трансформации культурно-цивилизационной идентичности населения приграничных регионов России и Украины в условиях усиления конфликтности межгосударственных отношений. В статье на основе данных массового и экспертного опросов респондентов России и Украины доказывается, что в последние десятилетия в граничащих между собой регионах этих стран происходит изменение культурно-цивилизационных идентичностей, связанное, прежде всего, с принятием странами новой трактовки истории и определением новых друзей и врагов. Процессы формирования культурно-цивилизационных идентичностей в России и Украине существенно отличаются динамикой и вектором изменений. Применительно к российским приграничным регионам следует говорить о модификации идентичности, а к украинским - о радикальных изменениях на основе конфликтного противопоставления позиций государств и народов друг другу. Культурно-цивилизационная идентичность российских регионов распространяется на приграничные регионы Украины, в то время как в соседствующих с Россией регионах Украины она тяготеет к дистанцированию от России при, одновременно, высокой ориентации на нее.

---

¹ Статья подготовлена в рамках Задания №2014/420 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России (рук. В.П. Бабинцев)

Ключевые слова: Россия, Украина, культурно-цивилизационная идентичность, приграничный регион, кризис.

THE RUSSIAN-UKRAINIAN RELATIONS CRISIS INFLUENCE ON TRANSFORMATION OF CULTURAL AND CIVILIZATION IDENTITY OF BORDER REGIONS POPULATION

Summary. The purpose of the work consists in detection of specifics of transformation of cultural and civilization identity of the border regions of Russia and Ukraine population in the conditions of strengthening of a conflictness of the interstate relations. It is proved in the article on the basis of data of mass poll and the poll of Russian and Ukrainian experts that in the last decades in the regions of these countries adjoining among themselves there is a change of cultural and civilized identity, caused, first of all, due to the new history interpretation acceptance by the countries and new friends and enemies determination. The cultural and civilized identity formation processes in Russia and Ukraine significantly differ in dynamics and in vector of changes. If in the Russian border regions there is more likely an identity modification, in Ukrainian – it is its radical change on the basis of conflict opposition of states and the people positions to each other. If the Russian border regions population identifies itself with inhabitants of adjacent Ukrainian regions in the cultural and civilized relation, in the regions of Ukraine adjoining to Russia their inhabitants are inclined to a distancing from Russia in a bigger measure. Cultural and civilized identity of Russian regions has more settled lines whereas in Ukraine it is characterized by diffusion, instability, mosaicity.

Such situation is caused by a historical difference of «starting» positions of both countries, specific factors of each country development at the present stage. The difference of «starting» positions is caused by that after the USSR collapse the formation of Russia and Ukraine as sovereign states demanded the sociocultural bases that support political trends of countries differentiation, the important place among which was taken by the process of original, authentic civilized and cultural identities formation. However for Russia as the USSR right receiver, including, the aspect of its

civilized and cultural identity with traditionally expressed «imperial» component, such problem didn't rise so sharp as for Ukraine which had to define new installations, values, priorities in all spheres of activity, to carry out cultural and civilized self-determination with formation of the corresponding identity. As a result, the Russian border regions were more focused on sociocultural integration with Ukrainian. In Ukraine the reidentification mechanism with the Soviet identity became more active which became a new cultural and civilized identity formation basis including for its border regions.

Keywords: Russia, Ukraine, cultural and civilized identity, border region, factors, conditions, crisis

Введение

Проблема культурной и цивилизационной идентификации последние годы активно обсуждается в научном дискурсе [1; 5; 7; 10; 11; 13; 14; 15]. Культурно-цивилизационная идентичность представляет собой совокупность представлений человека о своей принадлежности к конкретной культурно-цивилизационной общности и характеризует соотношение личности или группы с исторически сложившейся системой ценностей, форм сознания и структур, стилей поведения, групповых форм культурных стандартов. Как любой другой вид социальной идентичности, она задает специфику социальных практик, обеспечивает «чувство принадлежности к собственному сообществу, придает смысл и значимость самой жизни, укрепляет чувство взаимной ответственности и сопричастности, уменьшая тем самым чувства одиночества и отчуждения [5]», что особенно важно в «эпоху кризиса идентичности», характерного для большинства современных обществ [4; 6.], что обусловлено, в первую очередь, процессами глобализации [3; 9; 10].

Культура является универсальным механизмом самоопределения, «самости» как на индивидуальном, так и на групповом, в том числе, национальном и даже наднациональном уровнях: «культурные образцы являются центром организации всей совокупности подсистем в системе действия» [12:698]. Среди культурных образцов или «культурной системы

действия» (в терминологии Т. Парсонса) особое место занимают устойчивые образования, связанные с историческим развитием общества, сформированные под влиянием системных для него факторов. Эти факторы имеют двухуровневый и более характер. На первом уровне действуют природно-климатические, геополитические, лингвистические, демографические и др. факторы, определяющие базовую специфику тех или иных обществ, их отношения с окружением. Данная группа факторов формирует политическое, нормативно-ценностное, религиозное своеобразие обществ. И это своеобразие, по прошествии определенного исторического времени само становится основой «культурной матрицы» обществ.

Естественно, процесс глобализации способствует размыванию культурно-цивилизационной идентичности. С одной стороны, во всем мире осуществляется экспансия культурных образцов, истоки которых лежат в европейской и североамериканской (западно-христианской) культурах. С другой – сами эти образцы все более утрачивают свою культурную специфику, унифицируясь под влиянием идеологии рыночной экономики и массового потребления. В обществах, принадлежащих к ареалу западно-христианской культуры, происходят процессы социальной атомизации и нормативно-ценностной дифференциации. При этом они также испытывают сильнейшее миграционное давление со стороны обществ, принадлежащих к иным культурно-цивилизационным типам.

Глобализационные процессы, совпавшие по времени с распадом СССР и образованием новых постсоветских государств, усилили кризис традиционных идентичностей на территории современного евразийского пространства. Одним из следствий этого стало утверждение специфического типа социокультурной аномии, выступающей в форме комплекса неопределенностей, детерминирующих сознание и поведение значительной части граждан и, в конечном итоге, - неустойчивость, нелинейность общественных процессов. Одновременно на территории постсоветского пространства идет процесс становления новых типов культурно-цивилизационных идентичностей,

выступающих как сложная комбинация традиционных представлений и реалий, обусловленных глобализацией мирового развития и новыми интеграционными возможностями.

Осмысление новых культурно-цивилизационных трендов интересно проследить на основе сравнения ситуации, сложившейся в приграничных регионах России и Украины, поскольку в прошлом они характеризовались сравнительной культурно-цивилизационной однородностью, что всегда находило свое проявление в специфике российско-украинских отношений. Исторические пути России и Украины не просто неразрывно связаны, но зачастую неразделимы. Сам концепт «украинства» как специфической этнокультурной общности сформировался достаточно поздно - на рубеже XIX-XX веков. Даже в эпоху постсоветской суверенизации большинство россиян считали (и продолжают считать) украинцев частью «русского мира». И русскими, и, хотя и в меньшей степени, украинцами, проживающий рядом народ длительное время рассматривался как братский, иногда - практически как тот же самый этнос - с некоторой культурной и поведенческой спецификой. Однако в современной геополитической ситуации стали формироваться новые условия и факторы, дезинтегрирующие ранее достаточно однородную социокультурную систему и предоставившие возможности для индуцирования новых культурно-идентификационных моделей.

После распада СССР у многих его бывших граждан, переживших кризис советской идентичности, стали формироваться новые ее виды. При этом, национально-государственная идентичность нередко отходила на второй план по сравнению с этнической, конфессиональной, а в ряде случаев - корпоративной, региональной и локальной [2]. Но если у подавляющего большинства россиян в 1990-2000-е гг. данный набор идентичностей эволюционировал в направлении признания в качестве определяющей идентичности национально-государственной, то в отдельных (и значительных по объему) сегментах украинского общества превалировала идентификация с Россией, «русским миром».

Так или иначе, становление России и Украины в качестве суверенных государств, а также наступивший после Евромайдана кризис в российско-украинских отношениях, усилили процессы культурно-цивилизационного разотождествления. Определение их вектора и специфики является не только интересной в теоретическом плане, но и имеющей прикладное значение задачей, поскольку новые культурно-идентификационные модели могут, как способствовать приграничной и межгосударственной интеграции, так и создавать химерические антисистемы, разрушая традиционные связи, содействуя взаимной изоляции.

Методика

Задача данной статьи заключается в выявлении особенностей трансформации культурно-цивилизационной идентичности населения приграничных регионов России и Украины в условиях усиления конфликтности межгосударственных отношений.

Эмпирической базой работы послужили результаты социологического исследования на тему «Исследование процессов формирования культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных регионах России и Украины», реализованного в 2014-2015 гг. исследовательской группой из специалистов кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета под руководством профессора В.П. Бабинцева. В его рамках были осуществлены опросы: экспертный (2014 г., N= 42) и массовый (2015 год, N=1000). В качестве экспертов выступили представители государственных структур и научных сообществ России (22 человека) и Украины (20 человек), имеющие опыт приграничного сотрудничества и/или научные публикации по данной теме. В процессе осуществления массового опроса были охвачены четыре российских и четыре украинских региона по 500 респондентов из России и Украины.

Основная часть

Становление России и Украины как самостоятельных государств с неизбежностью потребовало формирования соответствующей этой задаче

аутентичных национально-государственных идентификаций. При этом формирование данных идентификаций осложнялось наличием культурно-цивилизационной общности, осознаваемой большинством населения двух стран. В том числе поэтому действия политических элит обоих государств (в особенности Украины) в постсоветский период были направлены, прежде всего, на демаркацию социокультурных границ и поиск соответствующих различий (тезис Л. Кучмы «Украина – не Россия»).

Так, для украинской власти на протяжении всего постсоветского периода, во всех президентских циклах важнейшим инструментом политического дистанцирования от России, формирования новой украинской идентичности являлась политически мотивированная трактовка истории. Новой трактовке истории ведущую роль в процессах культурно-цивилизационной идентификации украинцев отвело более половины (57,14%) опрошенных нами экспертов. В основу такой трактовки была положена акцентуация на конфликтных эпизодах российско-украинских взаимоотношений и их гиперболизация (битва при Конотопе, Голодомор, деятельность УПА и др.). Соответствующим образом политическими и интеллектуальными элитами отбирались и ключевые исторические символы (тот же Голодомор и УПА, а также «тризуб», фигуры С. Бандеры и Р. Шухевича).

В качестве второго по значимости инструмента и индикатора формирования новых культурно-цивилизационных идентичностей населения приграничных регионов эксперты отметили изменение конфигурации друзей и врагов (42,86%). Непоследовательный курс В. Януковича в отношении ЕС и России в конце 2013 г. послужил катализатором политического кризиса, приведшего к смене власти и усилившего раскол украинского общества. О региональных различиях внешнеполитических ориентаций свидетельствуют данные опроса Киевского международного института социологии. Если в западных регионах Украины в декабре 2015 г. за вступление в ЕС проголосовали бы 78,1% респондентов, то в восточных, граничащих с Россией - только 28,7% [16].

Существенным образом процесс формирования новых идентичностей, по мнению экспертов, также маркируют: появление иных идеологий (30,95%), утверждение новых ценностей (28,57%), символов (26,19%), норм поведения (21,43%), отказ от совместного советского наследия (19,05%).

Таким образом, тенденции последних десятилетий отражают появление определенных различий в социокультурной матрице двух обществ, которые маркируют процесс спецификации культурно-цивилизационных идентичностей населения этих стран.

При этом необходимо иметь в виду, что сами по себе эти страны не гомогенны в социокультурном плане, в силу чего такая социокультурная демаркация происходит по-разному. И Россия, и Украина представляют собой общества с сильнейшими социокультурными (и даже цивилизационными) разломами. В России – это противоречия между традиционной, в основе своей православной культурой, не менее традиционной исламской культурой и прозападной либеральной культурой, не говоря уже о многочисленных промежуточных и периферийных вариантах или еще более экзотических субкультурах. В Украине, несмотря на декларируемое сплочение перед лицом «внешней угрозы», продолжается социополитическое размежевание юго-востока, центра и запада страны. В силу этого и процессы «разотождествления» и формирования аутентичных идентичностей не гомогенны. Судя по данным экспертного опроса, особенно значительна эта разница в Украине. Практически половина экспертов (47,62%) убеждена, что процесс изменения идентичностей в приграничных регионах Украины проявляется значительно слабее, чем в центральных (о том же относительно российских регионов сообщает лишь пятая часть экспертов – 21,43%), и еще пятая часть (21,43%), – что почти не проявляется (с чем в отношении российского приграничья соглашаются 23,8% экспертов).

Итак, приграничные регионы обеих стран в социокультурном отношении являются более комплементарны друг другу, нежели внутренние территории государств. Тожественность многих параметров культурно-цивилизационной

идентичности населения приграничных регионов обеих стран подтвердил и проведенный нами массовый опрос. В частности, жители, и российского, и украинского приграничья в качестве типичных качеств, характеризующих представителей своей культуры, называют трудолюбие, дружелюбность, щедрость, а также лень.

Ценностное ядро общественного сознания населения российских и украинских регионов также обладает существенным сходством. Его образуют, в первую очередь, ценности безопасности и личного успеха. Примыкают к ним ценности доверия к людям, благожелательности и готовности помочь другим, самостоятельности и инициативности, а также сохранения традиций и привычного образа жизни. Наименьшей значимостью обладают следующие ценности: стремление к переменам, власть, риск и конкуренция.

Сходство в ответах украинцев и россиян, проживающих в российско-украинском порубежье, заметно и в их политико-экономических ориентациях, отражающих, в частности, доминирующий патернализм и признание ведущей роли государства в экономике.

Ментальное сходство жителей приграничных регионов России и Украины определяется реальной культурно-цивилизационной общностью, сформированной на протяжении веков вследствие вовлеченности в одни и те же исторические и социальные процессы и взаимонаправленных миграционных потоков. Это следует и из ответов опрошенных нами экспертов, абсолютное большинство которых считает, что оба государства принадлежат, и к одной славянской культуре (64,29%), и к одной славянской цивилизации (71,43%).

При этом в приграничных регионах двух стран отчетливо ощущается политико-культурная асимметрия, связанная с исторически сложившимися представлениями о ведущей роли России в организации политического и культурного пространства, которые в 2000-е годы оформились в виде концепции «русского мира». Так, респонденты из Украины чаще россиян склоняются к тому, что совместное историческое прошлое служит объединению двух стран (27,7% против 20,8%); 27,0% украинцев против 11,6% россиян убеждены, что

более всего большую часть истории взаимоотношений России и Украины определяло добровольное сотрудничество. А.Н. Михайленко отмечает, что значительная часть населения приграничных районов России и Украины сохранила «советскую» идентичность, отождествляет себя не с новыми независимыми государствами, а с гражданами бывшего СССР [8].

Население российского приграничья находится в несколько иной, чем жители Украины, ситуации. Российская ситуация характеризуется большей экономической, политической, социокультурной стабильностью и определенностью. Значительную роль в стабилизации общественных настроений продолжают играть патриотические мотивы, основанные на «крымском консенсусе» и противопоставлении России Западу. Так, согласно данным Левада-центра, 80% опрошенного по репрезентативной национальной выборке российского населения (N=1600) считает, что у сегодняшней России есть враги. Отвечая на вопрос «Как вы считаете, России сейчас действительно угрожают многочисленные внешние и внутренние враги - или эти разговоры о врагах ведутся для того, чтобы запугать население и сделать его послушной марионеткой в руках у власти», абсолютное большинство респондентов (54%) рассматривают такую угрозу как действительную [17]. Подобного рода установки благоприятствуют укреплению культурно-цивилизационной идентичности россиян и, в частности, населения приграничных российских регионов, не только через механизмы положительной идентификации, но и через конфликтное противопоставление с другими государствами и народами.

В силу значительного ассиметричного российского влияния на украинское порубежье формирование новых культурно-цивилизационных идентичностей в России и Украине существенно отличается динамикой и вектором изменений. В российских приграничных регионах речь идет, скорее, о некоторой модификации идентичности и даже ее укреплении, а в Украине – о ее разбалансировке и радикальных изменениях в ходе формирования, которые в существенной мере происходят путем противопоставления государств и народов друг другу.

Так, признаком устойчивости культурно-цивилизационной идентичности жителей российского приграничья служит консенсус абсолютного большинства опрошенных относительно своей принадлежности к российской культуре (70,8%). Для сравнения: наибольшая доля жителей украинского приграничья относит себя к представителям «мировой культуры» (24,2%), еще 18,6% - европейской, и только 15,8% - украинской, немногим меньше - русской (11,8%) и евразийской (11,2%). Ни один из предложенных типов культурной идентификации не набрал у украинцев даже трети голосов, что отражает мозаичность их культурно-цивилизационной идентичности. Отвечая на вопрос «Кем вы ощущаете себя, прежде всего», население приграничных регионов России чаще всего выбирает варианты ответа: «россиянином» (43,2%) и «русским» (29,4%), что также является показателем адекватной для России культурно-цивилизационной идентификации. У жителей же приграничных украинских регионов наблюдается широкий разброс идентификаций, но наиболее распространенная - с «русскими», о чем сообщили 45,6% опрошенных.

Таким образом, полученные данные позволяют характеризовать актуальную культурно-цивилизационную идентичность населения приграничных регионов Украины, в сравнении с российскими, как неустойчивую, динамичную, мозаичную.

Помимо ассиметричного российского влияния на украинское пограничье, причина различий в динамике формирования идентичностей видится нам также в исторической разнице «стартовых» позиций обеих стран. Она обусловлена тем, что после распада СССР формирование России и Украины в качестве суверенных государств потребовало социокультурных оснований, поддерживающих политические тренды дифференциации стран, среди которых важное место занял процесс формирования самобытных, аутентичных цивилизационно-культурных идентичностей. Однако для России как правопреемницы СССР, в том числе, и в аспекте ее цивилизационно-культурной идентичности с традиционно выраженным «имперским» компонентом, такая проблема не встала столь остро, как для Украины, которой пришлось определять

новые установки, ценности, приоритеты во всех сферах жизнедеятельности, осуществлять культурно-цивилизационное самоопределение с формированием соответствующей идентичности.

В результате в украинском приграничье, наряду с высокой ориентацией на Россию, активизировался механизм разотождествления с советской идентичностью, подготавливающий основу для становления новой. Это выразилось, во-первых, в формировании установки на обособление, дистанцирование.

Следует отметить, что формирование установки на обособление идет весьма противоречиво, что, с одной стороны, соотносится с противоречивым характером процесса формирования украинской идентичности, а с другой - является результатом высокой зависимости этой установки у населения обеих стран от сложившейся политической ситуации в российско-украинских отношениях.

Конфликтное противопоставление позиций стран друг другу в виде «зеркальной» подозрительности стало естественным и основным механизмом разотождествления общей «советской» идентичности и поиска новых аутентичных культурно-цивилизационных оснований, в большой мере, по причине высокой степени культурно-цивилизационного родства России и Украины.

Разницу в динамических характеристиках идентичностей населения приграничных регионов Украины и России можно объяснить и спецификой объектов идентификации. Так, из экспертных оценок следует, что население приграничных регионов России больше тяготеет к идентификации с микро- и макросоциальными образованиями (семья, государство, нация), а приграничных регионов Украины – с социокультурными объектами микро- и мезоуровня (семья, местное сообщество, общественные организации), что свидетельствует о меньшей значимости национально-государственной идентичности для украинцев.

Данные, полученные в результате массового опроса, показывают, что невозможность для населения приграничных регионов Украины в полной мере идентифицировать себя с украинским культурным кодом в некоторой степени компенсируется усилением идентичности локального характера, чего нет у россиян. О том, что ощущают себя представителями своего региона, жителями города и района, в сумме сообщили 27,8% украинцев, тогда как среди россиян эта доля составила всего 11,6%. Этим, во-многом, объясняется и подтверждается большая стабильность российской культурно-цивилизационной идентичности, мозаичность и динамизм украинской.

В настоящий момент отношения России и Украины находятся в точке бифуркации и возможность формирования комплементарных культурно-цивилизационных идентичностей, обуславливающих конструктивное взаимодействие и сотрудничество между населением приграничных регионов обеих стран, зависит от действия властей. Но подавляющее большинство экспертов (66,67%) не знает примеров решений и действий российских и украинских властей в приграничных регионах, направленных на формирование культурно-цивилизационных идентичностей. А те, кто высказал осведомленность об их наличии, в качестве примеров смогли назвать лишь создание Еврорегиона «Слобожанщина» (16,67%) - достаточно формального по результативности института, а также экономические и научно-образовательные проекты сотрудничества Харьковской и Белгородской областей (4,76%).

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет утверждать, что в приграничных регионах России и Украины последние два десятилетия происходят изменения культурно-цивилизационных идентичностей, что связано, прежде всего, с принятием странами новой трактовки истории и определением новых друзей и врагов.

Становление России и Украины как самостоятельных государств происходит в условиях высокого сходства социокультурных характеристик, что еще более характерно для российско-украинского приграничья.

Доказательством этому является тождественность ценностного ядра культурно-цивилизационной идентичности населения российско-украинского приграничья, его политико-экономических ориентаций, предметов гордости, с которыми оно идентифицируется.

Социокультурная комплементарность российско-украинского приграничья обусловлена влиянием на него российско-советской идентичности, являющейся аутентичной для россиян. Это влияние объясняется не только общим советским прошлым, но и российским происхождением части жителей украинского приграничья в нескольких поколениях, структурным и социально-психологическим российским перевесом в микросоциальных практиках жителей регионов сопредельных государств, а также их представлением об общности цивилизационных корней российского и украинского обществ.

Формирование культурно-цивилизационных идентичностей в России и Украине существенно отличается динамикой и вектором изменений. В российских приграничных регионах речь идет, скорее, о некоторой модификации идентичности и даже ее укреплении, а в Украине – о ее разбалансировке и радикальных изменениях в ходе ее формирования.

Помимо указанного выше российского влияния, эти отличия объясняются и неспособностью украинского государства противопоставить ему собственные социокультурные ценности, символы и пр., которые могли бы обеспечить формирование самобытной украинской идентичности, условия для положительной национальной идентификации украинского населения, укрепления его положительной национальной самооценки.

В такой ситуации основными механизмами формирования аутентичной украинской идентичности выступают обособление и негативация, основанные на конфликтном противопоставлении себя российскому обществу, которые входят в противоречие с выраженной российской ориентацией населения украинского пограничья.

Россиянам в наследство досталась советская идентичность, которая вполне аутентична российской и не требует формирования принципиально иной. А

ситуация относительной экономической, политической и социокультурной определенности, стабилизация общественных настроений на волне патриотических мотивов и имперских настроений, основанных на «крымском консенсусе» и противопоставлении России как Украине, так и Западу, напротив содействует ее укреплению.

Диффузность культурно-цивилизационной идентичности украинцев и устойчивость российской, также отчасти обусловлена некоторой разницей в инструментах их формирования. Украинцы, в отличие от россиян, существенное место в формировании представлений о своей национальной культуре отводят рассказам родственников и знакомых, а минимальное - СМИ и Интернету, тогда как у россиян последние играют значимую роль.

И если население приграничных регионов России больше тяготеет к идентификации с микро- и макросоциальными образованиями (семья, государство, нация), то Украины – с социокультурными объектами микро- и мезоуровня (семья, местное сообщество, общественные организации). Этим, во многом, объясняется и подтверждается большая стабильность российской культурно-цивилизационной идентичности и мозаичность, динамизм украинской.

Выводы

1. В российско-украинском приграничье происходит процесс трансформации культурно-цивилизационных идентичностей, связанный, в первую очередь, с новой трактовкой истории и определением новых друзей и врагов.

2. Формирование культурно-цивилизационных идентичностей в России и Украине отличается динамикой и вектором изменений. В российских приграничных регионах происходит некоторая модификация доставшейся «в наследство» российской идентичности, и даже ее укрепление на основе «крымского консенсуса», а в Украине – ее разбалансировка и радикальные изменения в ходе ее формирования.

3. Если население приграничных регионов России больше тяготеет к идентификации с микро- и макросоциальными образованиями, то жители Украины – с социокультурными объектами микро- и мезоуровня.

4. В условиях неспособности украинского государства противопоставить российскому социокультурному влиянию аутентичные социокультурные ценности, символы и пр., культурно-цивилизационная идентичность населения украинского приграничья существенно отличается от культурно-цивилизационной идентичности населения других регионов Украины.

5. На данном этапе возможность формирования комплементарных культурно-цивилизационных идентичностей, обуславливающих конструктивное взаимодействие и сотрудничество между населением приграничных регионов обеих стран, зависит преимущественно от политической воли руководства государств.

Литература

1. Adler P. (2012). Beyond cultural identity: Reflections on multiculturalism. Mediators everything mediation

2. Dzjakovich E.V. (2010) Transformacii lokal'nyh identichnostej v sociokul'turnom prostranstve rossijskih regionov. M.: Labirint.

3. Eze D. (2014). Nigeria and the crisis of cultural identity in the era of globalization. Journal of African Studies and Development, 6(8), 140-147.

4. Friedman, J. (1994). Cultural identity and global process (Vol. 31). Sage; Guzzini, S. (2012). The return of geopolitics in Europe?: social mechanisms and foreign policy identity crises (No. 124). Cambridge University Press

5. Kondakov I. V., Sokolov K. B., & Khrenov N. A. (2011). Tsivilizatsionnaya identichnost v perekhodnuyu epokhu: kulturologicheskiy, sociologicheskiy i iskusstvovedcheskiy aspekty [Civilizational identity in the transition period: culturological, sociological and artistic aspects]. Moscow, Progress Tradition

6. Le Rider, J. (1993). Modernity and Crises of Identity: Culture and Society in fin-de-siècle Vienna. Continuum Intl Pub Group

7. Larrain J. (2013). Ideology and cultural identity: Modernity and the third world presence. John Wiley & Sons.
8. Mihajlenko A.N. (2012). Tri teoreticheskih podhoda k izucheniju rossijsko-ukrainskogo prigranich'ja. *Jetnosocium i mezhnacional'naja kul'tura*, 12 (54), 166-176.
9. Mustafa K. O. Ç. (2006). Cultural identity crisis in the age of globalization and technology. *TOJET: The Turkish Online Journal of Educational Technology*, 5(1).
10. Niezen R. (2008). A world beyond difference: Cultural identity in the age of globalization. John Wiley & Sons. *National Identity in the Era of Globalization: Crisis and Reconstruction. Social Sciences in China*, 35(2), 139-154.
11. O'Hagan J. (2007). Discourses of Civilizational Identity. In *Civilizational Identity*(pp. 15-31). Palgrave Macmillan US.
12. Parsons T. (2002). *Social'naja sistema i kul'tura / Pod red. V.F. Chesnokovoj i S.A. Belanovskogo. M.: Akademicheskij Proekt.*
13. Raskin D. I. (2008). Russian nationalism and issues of cultural and civilizational identity. *Russian Politics & Law*, 46(6), 28-40.
14. Strizhakova Y., Coulter, R. A., & Price, L. L. (2012). The young adult cohort in emerging markets: Assessing their glocal cultural identity in a global marketplace. *International Journal of Research in Marketing*, 29(1), 43-54.
15. Tyser J., Scott, W. D., Readdy, T., & McCrea, S. M. (2014). The role of goal representations, cultural identity, and dispositional optimism in the depressive experiences of American Indian youth from a northern plains tribe. *Journal of youth and adolescence*, 43(3), 329-342.
16. V kakom integracionnom napravlenii dolzhna idti Ukraina: Evropejskij Sojuz, Tamozhennyj Sojuz, (2015). [Online] Available: <http://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=584&page=1> (february12, 2016).
17. Vneshnepoliticheskie orientacii, (2015). *Jekspress-vypusk ot 13.10.2015.* [Online] Available: <http://www.levada.ru/old/13-10-2015/vneshnepoliticheskie-orientatsii> (january 31, 2015)